

Шэнь Цзинчжэ провел на задней кухне почти четверть часа.

Я слышал через дверную занавеску, как он рубит начинку: ритм был ровным, сила ударов — безупречной, а интервалы между каждым падением ножа — абсолютно одинаковыми.

Лю Руянь доела мои вонтоны и досуха выпила бульон, а теперь облизывала губы, всё еще не насытившись.

— Кто приготовил эти вонтоны?

— Шэнь Цзинчжэ.

— Кто такой Шэнь Цзинчжэ?

— Тот самый, что только что сидел напротив тебя.

Лю Руянь на мгновение замерла, а затем резко вскочила, и ножки стула издали о землю резкий скрип.

— Ты хочешь сказать, тот черномазый культиватор меча? Шэнь Цзинчжэ? Демон Меча Шэнь Цзинчжэ?!

— Да.

— Тот самый Шэнь Цзинчжэ, который перебил двенадцать стражей Секты Вэньцзянь?!

— Да.

— Тот самый Шэнь Цзинчжэ, который в одиночку ворвался в Бездны Демонов и одним ударом меча сокрушил миллионы демонов?!

— Да.

Лю Руянь опустила голову и посмотрела на пустую милку перед собой, ее выражение лица стало сложным.

— Я только что... съела вонтоны, которые он приготовил?

— Да.

— И даже выпила весь бульон?

— Да.

— И собиралась попросить еще порцию?

— Когда ты сказала «повторите», он уже рубил начинку.

Лю Руянь медленно опустилась обратно на стул, сложив руки на коленях, и ее осанка вдруг стала чрезвычайно благопристойной.

— Сюй Ань.

— Мм?

— Когда ты успел познакомиться с Демоном Меча?

— Десять лет назад. Я спас его в горах позади селения.

— И?

— И вот сегодня он явился ко мне и заявил, что когда мне было восемь лет, я сказал, будто его жизнь принадлежит мне, а теперь пришел расплатиться.

Уголки рта Лю Руянь слегка дернулись.

— И ты вот так запросто заполучил Демона Меча в телохранители?

— Вдобавок к миске вонтонов.

— ...

Лю Руянь глубоко вздохнула и посмотрела на меня так, словно этот мир сошел с ума.

— Сюй Ань, ты вообще знаешь, сколько людей в мире бессмертных мечтают нанять Демона Меча? В прошлом месяце одна секты из Северного Региона предложила астрономическую цену в тридцать миллионов духовных камней, лишь бы он хоть раз показался на грандиозном турнире секты. Он даже отвечать не стал.

— Тридцать миллионов? — я удивился. — Выходит, та моя миска вонтонов стоила...

— Тебя волнует цена вонтонов?

— Пять вэней за порцию ценой в тридцать миллионов — и впрямь выгодная сделка.

Лю Руянь уткнулась лицом в ладони, ее плечи вздрагивали — то ли от плача, то ли от смеха.

Занавеска качнулась, и Шэнь Цзинчжэ вышел, держа в руках свежесваренную порцию вонтонов.

Он бросил взгляд на Лю Руянь и поставил миску перед ней.

— Твои.

Лю Руянь подняла голову, встретившись взглядом с этими совершенно безэмоциональными черными глазами, и невольно отшатнулась.

— С-спасибо, старший Шэнь.

— Не нужно звать меня старшим, — произнес Шэнь Цзинчжэ. — Ты — старшая соученица моего нанимателя.

Он замолк, словно раздумывая, какое обращение будет самым подходящим.

— Старшая соученица, — добавил он.

Лицо Лю Руянь мгновенно окаменело.

Дьявольский культиватор меча, на чьем счету бесчисленные убийства, совершенно бесстрастным тоном назвал ее старшей соученицей...

— Не надо меня так называть, мне страшно, — голос Лю Руянь подрагивал.

— Хорошо, старшая соученица.

— ...

Я чуть не рассмеялся в голос. Такой человек, как Шэнь Цзинчжэ, казалось, отделен от понятий

человеческой теплоты и приличий целой галактикой.

— Ты чего смеешься? — Лю Руяньрыкнула на меня.

— Не смеюсь.

— Ты явно ухмыляешься.

— Я Конфуцианский Мудрец, а Конфуцианские Мудрецы не лгут. Раз говорю, что не смеюсь, значит, не смеюсь.

Едва эти слова сорвались с моих губ, как Небесный Путь пролил на мою макушку золотой свет, сформировавший два крупных иероглифа:

— Лжьёшь.

В лавке на миг воцарилась тишина.

А затем Лю Руянь больше не выдержала, уткнулась лбом в стол и расхохоталась.

Уголки губ Шэнь Цзинчжэ едва заметно дрогнули, но тут же вновь приняли каменное выражение.

Я задрал голову к потолку:

— Небесный Путь, тебе заняться больше нечем?

Золотое сияние медленно растаяло, напоследок успев пару раз подмигнуть, словно показывая мне знак мира двумя пальцами.

Я решил больше никогда в жизни не разговаривать с Небесным Путем.

Лю Руянь утерла выступившие от смеха слезы и принялась за вторую порцию вонтонов. Ела она теперь гораздо аккуратнее — как-никак, сидела перед сильнейшим культиватором меча пути демонов.

Но она явно недооценила собственный аппетит.

Одна порция.

Две.

Три.

Когда она приступила к четвертой, Шэнь Цзинчжэ наконец подал голос.

— Твоя старшая соученица.

— Мм?

— Ест больше меня.

Палочки Лю Руянь застыли в воздухе, а кончики ее ушей постепенно покраснели.

— Я сегодня целый день ничего не ела! — попыталась оправдаться она.

— Понимаю, — кивнул Шэнь Цзинчжэ. — Голодовавшие люди обычно едят больше. Но четыре порции — это еще не много, я знал одного человека, который за раз съедал восемнадцать.

— Кто это?

— Мой наставник.

— И кем же был этот выдающийся мастер?

— Мертв, — голос Шэнь Цзинчжэ оставался ровным. — Я убил его.

Палочки выпали из рук Лю Руянь прямо на стол.

Атмосфера в лавке в одно мгновение опустилась до точки замерзания.

Я посмотрел на Шэнь Цзинчжэ. На его лице не отразилось ни единой эмоции — он говорил так, будто за окном стояла прекрасная погода. Но я заметил его пальцы, сжимавшие палочки: суставы слегка побелели.

— За что ты убил его? — спросил я.

Шэнь Цзинчжэ долго молчал.

Настолько долго, что я уже подумал, будто ответа не будет.

— Он хотел убить меня, — ответил он. — Когда мне было восемь лет.

Вот оно что.

Истребление семьи. Падение с обрыва. Погоня. Все разрозненные нити внезапно сошлись воедино.

Тогда, восемь лет назад, в горах я спас ребенка, за которым охотился собственный наставник.

— Твой учитель...

— Был побратимом моего отца, — Шэнь Цзинчжэ отложил палочки. — Он вырезал всю мою семью, забрал семейное руководство по владению мечом и взял меня в ученики, потому что мои природные данные были лучшими из всех, что он встречал.

— Он не догадывался, что ты всё знаешь?

— Нет. Я просто ждал.

— Чего ждал?

— Пока стану достаточно силен.

Он не стал вдаваться в подробности. Но я знал, что путь к этой «достаточной силе» наверняка был устлан бесчисленными шагами на грани смерти.

В десять лет — ворваться с мечом в Секту Вэньцзянь.

В пятнадцать — в одиночку проникнуть в Бездны Демонов.

В двадцать — стать Демоном Меча.

Эту дорогу он прошел в полном одиночестве.

Единственным разом, когда кто-то протянул ему руку помощи, был восьмилетний малыш на краю обрыва, отдавший ему склянку с ворованными пилюлями.

Я вдруг понял, почему он уже десять лет помнит одну случайную детскую фразу.

— Шэнь Цзинчжэ.

— Мм.

— Вонтонов с этого дня будет вдоволь.

Он поднял на меня взгляд, и в его холодных глазах на миг мелькнуло подобие едва заметной улыбки.

— Хорошо.

Лю Руянь молча подобрала палочки и вновь уткнулась в миску. На этот раз она не проронила ни слова, но ела очень медленно, словно распробуя какой-то совершенно новый вкус.

В этот момент с улицы донесся частокол торопливых шагов.

Сразу после этого полог двери грубо откинули.

В лавку, заикаясь и спотыкаясь, ввалился полный мужчина в богатых одеждах, с лица которого градом катился пот, а дыхание было тяжелым, как у быка.

— Здесь ли Конфуцианский Мудрец?! Здесь ли Конфуцианский Мудрец?!

— ...

Опять.

Я тяжело вздохнул.

— Ты кто?

Толстяк рухнул на колени с такой стремительностью, что у меня закрались подозрения, будто он специально тренировался.

— Нижайший Чжоу Дафу, богатейший человек поселка Цинши! Умоляю Мудреца спасти мою жизнь!

— Какая неизлечимая болезнь тебя постигла?

— Кое-что похуже неизлечимой болезни! — заливаясь слезами, завопил Чжоу Дафу. — Мои куры...

— Что с твоими курами?

— Все встали на головы!

В лавке воцарилась тишина.

А затем Лю Руянь с громким звуком — пху! — выплюнула порцию бульона обратно в миску.

Я перевел взгляд на Шэнь Цзинчжэ.

Шэнь Цзинчжэ с каменным лицом смотрел на меня.

Я посмотрел на Лю Руянь.

Лю Руянь зажала рот рукой, а ее плечи заходились в судорогах.

Я снова посмотрел на Чжоу Дафу.

— Твои куры... стоят на голове?

— Да! На голове! Опираются крыльями о землю, лапы торчат в небо, выстроились в ряд, ровно-равно! — Чжоу Дафу рыдал так надрывно, будто хоронил близких. — Они стоят на голове уже трое суток и три ночи! Как ни тяни, с места сдвинуть не получается! Умоляю, Мудрец, скажите хоть слово! Если так пойдет дальше, все мои куры передохнут!

— То, что твои куры стоят на голове, какое отношение имеет ко мне?

Чжоу Дафу извлек из-за пазухи помятый свиток бумаги и развернул его перед моим носом.

Там красовалась подробная букмекерская роспись.

И черным по белому значилось:

Ставки на полет Лю Руянь вниз головой (куриный эквивалент)

· Если Лю Руянь в итоге заменит себя курицей, разрешается использование стоящей на голове птицы — коэффициент один к пятидесяти.

Сделавший ставку: Чжоу Дафу.

Сумма ставки: сто тысяч духовных камней.

Мое дыхание на миг пресеклось.

Лицо Лю Руянь тоже приобрело невероятную палитру красок.

— Ты... ты всерьез поставил на то, что меня заменят курицей?!

— Откуда ж я знал, что Мудрец и впрямь аннулирует императорский указ?! — завыв Чжоу Дафу. — Мои сто тысяч духовных камней должны были принести верную прибыль, а теперь, когда указ отменили, тотализатор закрылся, да еще и кур моих перекособочило! Сделайте милость, Мудрец, скажите слово, пусть куры вернутся в нормальное состояние!

Я молчал очень долго.

Затем поднялся, вышел к самому порогу лавки и посмотрел на ночное небо.

— Небесный Путь.

Проступило золотое свечение.

— Когда ты только что отменял указ, ты случайно не забыл убрать побочные эффекты?

Небесный Путь помолчал с мгновение, после чего передо мной выплыла строка текста:

— Процедура аннулирования завершена. Однако до того, как указ утратил силу, совместное намерение участников тотализатора сформировало причинно-следственную цепь стояния на голове. Эта цепь не может рассеяться сама по себе.

— ...Говори человеческим языком.

— Множество людей одновременно думали о том, что курицы стоят на голове, вот курицы и встали на голову. Моей вины тут нет, это сила их коллективной мысли.

Я обернулся и заглянул в лавку.

Чжоу Дафу рыдал на коленях, Лю Руянь уткнулась лицом в стол, и ее плечи тряслись, точно в лихорадке. Шэнь Цзинчжэ неторопливо потягивал чай, и на его лице читалось вполне определенное послание: ко мне это не имеет никакого отношения.

— Выходит, — обратился я к Небесному Пути, — теперь у всех в мире бессмертных, кто сделал ставки на тот тотализатор, их куры...

— Все стоят на голове.

— И сколько их всего?

— По самым скромным подсчетам — три миллиона.

Я плотно запахнул занавеску лавки.

— Чжоу Дафу.

— Здесь!

— Ступай пока домой. Мне нужно время, чтобы разобраться с этим.

— Но, Мудрец...

— Не переживай. Курицы в ближайшее время не подохнут.

— Правда?

— Стоять на голове для курицы — лишь небольшой дискомфорт, на здоровье это не влияет, — я похлопал его по плечу. — Сам подумай, раз твои куры способны простоять так трое суток, значит, у них отменное здоровье.

Чжоу Дафу растерянно хлопал глазами, не зная, плакать ему или смеяться.

Проводив Чжоу Дафу, мы вновь уединились в тишине.

Лю Руянь наконец приподняла голову, а по ее щекам все еще текли слезы от смеха.

— Три миллиона кур... — она схватилась за живот. — Три миллиона кур стоят на голове одновременно...

— Перестань смеяться.

— Представь эту картину... — она изобразила позу стоящей на голове курицы, уперевшись обеими руками в стол наподобие крыльев, — ко-ко-ко...

— Лю Руянь.

— Ко-ко-ко-ко-ко...

Я посмотрел на Шэнь Цзинчжэ.

Шэнь Цзинчжэ отставил чашку, поднялся на ноги и скрылся на задней кухне.

Мгновение спустя он вынес оттуда блюдо жареной курицы.

Смех Лю Руянь оборвался на полуслове.

— Что это?

— Жареная курица, — ответил Шэнь Цзинчжэ. — Вчерашняя.

Он поставил тарелку на стол. Золотистые кусочки курицы шкворчали, источая капли жира, а их аппетитный аромат напрочь перебил легкость вонтонов.

Лю Руянь уставилась на блюдо, ее губы слегка зашевелились.

— Ты... ты это специально?

— Совпадение, — лицо Шэнь Цзинчжэ осталось бесстрастным.

Лю Руянь посмотрела на меня.

Я посмотрел на нее.

И тут мы одновременно расхохотались.

Наш смех пробился сквозь занавеску лавки и растворился в ночной прохладе поселка Цинши.

Листья софоры шелестели на ветру.

Где-то вдали, в птичнике одного из местных жителей, ровными аккуратными рядами стояла стая кур: упершись крыльями в землю и задрав лапы к небесам, они безмолвно стояли вверх тормашками.

Выражения куриных мордочек были исполнены глубочайшего непонимания.

Они понятия не имели, в чем провинились перед этим миром.

Впрочем, как и я, понятия не имевший, доведется ли мне когда-нибудь прожить хоть один день в тишине и покое.

Но, бросив взгляд на жующую жареную курицу Лю Руянь, а затем на Шэнь Цзинчжэ, который прислонился к косяку и протирал меч, я подумал:

Да и ладно.

Раз уж покоя нет, то и не нужно.

(Конец четвертой главы)

<http://bllate.org/book/21206/2146450>